

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Correo
Argentino
Suc. 80 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

Editor - Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires Argentina

AÑO XXXI

Buenos Aires, Viernes 29 de junio de 1979

Буэнос Айрес, пятница 29 июня 1979 г.

N° 1530

А. Солженицын: „Осознать несчастный опыт Февраля - самое нужное сейчас нашему народу“

В прошлом номере мы опубликовали часть интервью, которое 3 февраля с. г. корреспондент Би-Би-Си И. И. Сапиев взял в Вермонте (США) у А. И. Солженицына. Ниже мы воспроизводим непоместившиеся ранее вопросы и ответы.

— Александр Исаевич, со времени Вашей высылки прошло пять лет. С точки зрения истории — срок небольшой, но для писателя, столь тесно связанного с судьбами России, это уже мучительно долго. В 1967 году на заседании секретариата Союза писателей Вы сказали: «Под моими подошвами всю мою жизнь земля отечества, только ее боль я слышу, только о ней пишу». Теперь, когда Вы оторваны от этой земли, не отошла ли эта боль в прошлое, не стала ли она как бы чужой?

— Осталось все так, как если бы меня не выслали. Вся моя жизнь, и работа, и направление — те же.

— В Вашей книге «Бодался теленок с дубом» Вы говорите о моментах, когда Вы мечтали уехать на годы в глушь и меж поля, неба, леса, лошадей да писать роман неторопливо. Насколько же эта мечта теперь близка?

— Вот «неторопливо» уже в моей жизни никогда не получится, потому что я от задачи своей отстаю, а знаю, что она нужна. Все поколение наше отстало от задачи. А в остальном что-то похожее создается: внешне покойная жизнь, не надо конспирации, прятков, рассредоточения бумаг — в голове одна работа. К тому же и все исторические материалы доступны, которые раньше так трудно было доставать.

— Говорят, что Вы совершенно отошли от действительности, что Вы живете теперь чуть ли не жизнью отшельника. Что же Вам, Александр Исаевич, лично дал Запад? Свободу или, может быть, новые узы?

— От сегодняшней действительности не очень-то отойдешь, потому что она жокет со всех сторон, припекает. Как Вы знаете я немало выступал, ездил по странам, но просто от страсти — не могу спокойно смотреть, как они сдают весь мир и самих себя. А в общем, это не моя задача: в нашей стране дела ждут. Для работы же над моей темой Запад — да — не может мне дать питающих впечатлений. Вот если б я сейчас жил на родине, да мог бы передвигаться без преследований, без надзора, как почти никогда не бывало, я конечно жил бы не так, как сейчас. Я много бы ездил! Там каждое место, каждый город, каждая встреча — это толчок и помощь замыслу, а здесь — только отвлечения, на них уже нет лет.

К счастью я в свое время много ходил по... Вот положение! Трехмиллионный город, а названия не имеет: говорить Ленинград — уже стыдно, к императору Петру я тоже почтения не имею, да город и назван был не по императору, по апостолу, но уже и Санкт-Петербур-

гу, по-голландски, пути не будет; а Питером, — как сейчас выходят из положения, — все большевики его называли... Я б его назвал Невгородом — это в духе русского языка: Невгород, Новгород... Да, так вот два месяца я пешком исходил весь город, изучал все места. А Февральская революция — она почти вся происходит в Петрограде. И теперь я с закрытыми глазами любой уголок города отлично вижу — это здорово помогает, ну и карта старая есть и много снимков...

— Десять лет назад в письме в редакцию «Литературной газеты» Вы писали, что Ваша единственная мечта — это оказаться достойным надежд читающей России. Что же может эта читающая Россия ждать от Вас теперь, когда Вы вот уже 5 лет на чужбине? Что Вы пишете, что эти последние годы дали Вам? В чем Вы видите смысл Вашей работы?

— Моя работа, Иван Иванович, началась 42 года назад, в 36-ом году. Я только кончил школу. Тогда мне представлялось так: надо описать и объяснить Октябрьскую революцию и гражданскую войну, а начать все показывало с 14-го года, и я избрал Самсоновскую катастрофу. Но думал скорее это все пройти, ближе к Октябрю. Впрочем, я и тогда уже заметил, что в самом 17-ом, году будет несколько узлов — это такой год, где каждый месяц — новая эпоха. Но навалилось сопротивление многих лет: война, тюрьма, ссылка, болезнь, потом все эти государственные травли, борьба, на которую я был вынужден, и другие книги обо всей этой жизни... И «Август четырнадцатого» разросся в два тома, и «Октябрь шестнадцатого» — в два, и так я сильно опоздал. Только с переездом в Америку три года назад я серьезно взялся за Февральскую революцию...

Но вник я в Февральскую революцию — и все мне переосветилось. Я-то рвался к Октябрьской — Февраль казался только по дороге. А тут я понял, что несчастный опыт Февраля, вот его осознание — это и есть самое нужное сейчас нашему народу. Именно опыта Февраля мы не понимаем, забыли, и во внимание его не принимаем. Тут клубок легенд. Вся наша новейшая история представлена нам выдумками да легендами, конечно, пристрастными, не случайными.

Легенда, что царь вел с немцами переговоры о сепаратном мире. Никогда не поверишь: Николай II потому и потерял трон, что был слишком верен Англии и Франции, слишком верен этой бессмысленной войне, которая России не была нужна ни на волос; он именно дал увлечь себя тому воинственному безумию, которое владело либеральными кругами. А либеральные круги очень

стремились выручить западных союзников жизнями русских крестьян — боялись получить плохую оценку союзников.

Потом — легенда, что в феврале был избран Совет рабочих депутатов. Совет — 1000 человек — значения не имел, принимать практические решения не мог, а все повел узкий Исполнительный комитет, а туда верхушка избрала сама себя. Второстепенные, затруханные партийные социалисты сами себя избрали и повели Россию в пропасть.

Потом — само Временное правительство, легендарное наыворот. Это были те самые либеральные деятели, которые годами кричали, что они — доверенные люди России и несравненно умны, и все знают, как вести Россию, и, конечно, будут лучше царских министров, а оказались паноптикумом безвольных бездарностей и быстро все спустили к большевицкому концу. Да разобраться — они не только упустили власть, они ее и взять не смогли. Временное правительство существовало, математически выражаясь, минус два дня, то есть оно полностью лишилось власти за два дня до своего создания.

Да и сам Февраль-то был делом двух столиц, и вся крестьянская страна, и вся действующая армия с недоумением узнали о уже готовом перевороте.

Потом: никогда не было Корниловского мятежа! Все это ложь и истерика Керенского — он сочинил весь кризис: сам вызвал фронтные войска в Петроград, но из боязни левых отрекся от этих войск по пути и изобразил все мятежом. Тут и Корнилов никуда не бежал, и Крымов доверчиво пришел к Керенскому на свою же смерть. Мятежа никакого не было, но этой истерикой Керенский и утвердил окончательно большевиков.

— Да, но Александр Исаевич, ведь все наше понятие об истории России, по крайней мере на Западе, построено на предпосылке, что Февральская революция была явлением положительным, и что не будь Октябрьского переворота, — Россия пошла бы по пути мирного общественного развития.

— Вот это и есть одна из центральных легенд. Если вникнуть в повседневное течение февральских дней, в каждую мелочь, во всю реальную обстановку, то сразу становится ясно: никуда кроме анархии она не шла. Она заключала противоречие в каждом своем пункте. Поразительная история 17-го года — это история самопадения Февраля. Либерально-социалистические тогдашние правители промотали Россию в полгса до полного упадка. Уже с начала сентября 1917-го большевики могли взять упавшую власть голыми руками, без всякого труда. Только по избыточной осторожности Ленина и Троцкого они еще медлили. Легкое взятие упавшей власти совсем не было уже и переворотом, так что не только не было никакой Октябрьской революции, но даже не было и настоящего переворота: Февраль упал сам.

И легенда продолжается дальше. И гражданскую войну совсем неправильно сводят только к войне красных и белых, а главное было: народное сопротивление красным с 1918-го по 1922-ой, и в этой войне оказалось потерь, как теперь подсчитано, 12 миллионов. Это уже изменение состава народа. И вот это есть первая, настоящая, бесповоротная революция, когда из народа выбивают 12 миллионов, да с выбором.

И дальше легенда, — что Октябрь будто землю крестьянам дал, а он и ту отобрал, которую Столыпин дал, и обшчинную.

— Да, но в то же самое время, нельзя ли сказать, Александр Исаевич, что все это дела — прошлого, истории, да притом истории, имеющей чрезвычайно узкое отношение только к России. А разве не правда, что большинство Ваших читателей на Западе; для кого же Вы пишете?

— Что на Западе меня много читают — я рад. Но мои основные читатели, конечно, на родине, и именно для них я пишу. И книги мои достигнут их. Да уже и сейчас достигают изрядно. Книгами я непременно и скоро вернусь. А надеюсь — и сам.

А уроки Февраля — они имеют и всемирное значение, это и Западу не вредно. Самопадение наших либералов и социалистов перед коммунистами с тех пор повторилось в мировом масштабе, только растянулось на несколько десятилетий. Грандиозно повторяется тот же процесс самоослабления и капитуляции.

Но бесценное значение опыта Февраля, всего 17-го года, имеет, конечно, для нашей страны, а о нем почти не принято думать. Прежде чем горячо спорить о будущем России, предлагать проекты, рецепты, надо бы основательно знать наше прошлое. А наши спорящие, как правило, его не знают. Именно историю последнего нашего столетия от нас скрыли почти до неграмотности, а мы поддались. Советское давление приучило всех уходить вдале, к эпохе Николая I и дальше, а кто официально занимался последним столетием, тот все искажал.

Февраль нам надо знать и остерегаться, потому что повторение Февраля было бы уже непоправимой катастрофой. И важно, чтобы это поняли все, прежде чем у нас начнутся какие-нибудь государственные изменения. Так вот и получилось, что моя историческая работа о Феврале — она в четырех томах — настолько опоздала, что уже снова стала актуальной.

— Но Февраль... Вы говорите, Александр Исаевич, о бесценности опыта Февраля. Но, в конце концов, — чем же может помочь осознание прошлого опыта в нынешнем положении?

— О-о-о! Осознание много значит. Внутренняя победа всегда предшествует внешней. Мы действительно не имеем пока физических сил освободиться от плиты, придавившей нас, но самый драгоценный итог последних 60-ти лет мировой истории — именно то осво-

бождение от социалистической заразы, которое наш народ прошел насквозь. Это освобождение — начало мирового освобождения — даже тех стран, которым болезнь еще предстоит. Да, мы в плену коммунизма, а тем не менее, он для нас — мертвая собака, когда для многих западных слоев — еще живей лев. Это испытание мы перестояли духовно, и надо удивляться — на ногах!

Ну, конечно, теперь одного этого низм, а мы должны думать об опасносознания коммунизма нам уже мало. Хотя сегодня еще душит всех коммунистских будущего перехода. При следующем историческом переходе нам грозит новое испытание — и вот к нему мы совсем не готовы. Это совсем новые для нас виды опасности, и чтобы против них устоять, надо, по крайней мере, хорошо знать наш прежний русский опыт.

Может быть, сейчас мой голос дойдет до тех, кто имеет доступ, возможность и время — заняться изучением нашей истории XX века. Мне удастся сейчас наладить издание научной серии книг — Исследования Новейшей Русской Истории (ИНРИ). В ней разные авторы — старые и молодые — пытаются разыскать, очистить, восстановить уворованную, подавленную, искаженную истину. Я надеюсь, что и в СССР найдутся авторы, которые захотят принять участие в этой серии. Я даже уверен, что все главные мысли должны родиться именно в России, несмотря на ужасные притеснения. Если до кого дойдет мой голос, у кого будет такая работа, то на всякий случай — адрес Всероссийской мемуарной библиотеки: Почтовый ящик, то есть РО Вох 1446, Бостон/Масс, и почтовый код: 02101.

— Вы говорите тут, главным образом, об историческом наследии, Александр Исаевич. А как обстоят дела, по-вашему, с художественной литературой в России?

— Русская литература больше всего меня поразила и порадовала именно эти годы, когда я выслан. И не в свободной эмиграции она имела успех, не в раздолье так называемого с а м о в ы р а ж е н и я , а у нас на родине, под мозжачным прессом. И создается этот успех даже именно на главном стержне русской литературы, которую в советской критике полупрезрительно называют деревенской литературой. А на самом деле, это труднейшее направление работы наших классиков. Так вот оно, в последние годы, имело замечательные результаты, несмотря на все притеснения.

Я рад был бы сейчас назвать пять, нет — шесть имен — вот я берусь их назвать, и книги каждого, даже и по две книги, и разобрать, что в них так удалось. Но отсюда туда я не имею права это делать. Начнут к этим авторам придирается, что, вот, мол, недаром Солженицын их хвалил. Но я думаю, они сами поймут, что речь идет о них, и читатели тоже разберутся.

Нам бывает трудно оценить уровень сегодняшней литературы, а вот такого уровня во внутреннем изображении крестьянства, как крестьянин чувствует окружающую свою землю, природу, свой труд — такой ненадуманной органической образности, вырастающей из самого народного быта, такого поэтического и щедрого народного языка не было, — к такому уровню стремились русские классики, но не достигли никогда, — ни Тургенев, ни Некрасов, ни даже Толстой. Потому что они не были крестьянами. Впервые крестьяне пишут о себе

Похищение генерала Миллера

19-го мая с. г. сотрудник «Нового Русского Слова» С. Рождественский опубликовал в этой газете статью о похищении чекистами и их агентами председателя Русского Обще-Воинского Союза, генерала Е. К. Миллера. Статья содержит сведения об этом преступлении, ранее в печати не появлявшиеся. В частности, автор статьи подробно описал попытку бывшего командира Корниловского полка, генерала Скоблина, отрицать свою причастность к этому похищению; его изобличение оставленной генералом Миллером в канцелярии РОВС-а запиской о том, что ему предстоит встреча с германскими офицерами, подготовленная Скоблиным; растерянность Скоблина при предъявлении ему этой записки ближайшими помощниками ген. Миллера; его бегство из помещения этого Союза, ставшее возможным, по мнению автора статьи, потому, что один из старших чинов РОВС-а, ген. Кусонский был, как Скоблин, советским агентом. Кроме того, статья содержит неизвестные ранее подробности изобличения причастности жены Скоблина, певицы Плевницкой, к совершенному ее мужем преступлению и признания ее вины французским судом.

30-го мая та-же газета напечатала письмо профессора, князя А. П. Щербатова, который, как американский гражданин и офицер, имел в 1945 году возможность ознакомиться со смоленским архивом ОГПУ, захваченным в 1941 году германскими войсками и ставшим достоянием Соединенных Штатов после поражения Германии. Исправляя сообщение С. Рождественского о том, что «когда немецкие войска вошли в Париж, то через некоторое время агенты Гестапо явились в помещение РОВС-а, произвели тщательный обыск, нашли тайные микрофоны и арестовали Третьякова, владельца этого дома, который имел квартиру над помещением РОВС-а» ч, благодаря этому, мог благодаря микрофонам слышать разговоры, происходившие в упомянутом помещении.

В действительности, по словам А. П. Щербатова, «немцы сделали обыск и арестовали Третьякова только в начале сентября 1941 года, то есть через 14 месяцев после взятия Парижа. До ареста Третьяков спокойно жил в Париже и даже вел торговые дела с немцами. Все изменилось в июле 1941 года, когда немцы взяли Смоленск и захватили там архив ГПУ и нашли в нем все подробности похищений генералов Миллера и Кутепова. Роль Кусонского в похищении ген. Миллера была очень странной».

Как известно, ген. Кусонский был арестован в оккупированном германскими войсками Брюсселе одновременно с арестом Третьякова в Париже. Оба были обвинены в связи с ОГПУ и расстреляны.

сами. И сейчас читатели могут наслаждаться тончайшими страницами у этих авторов.

Интересный анекдот. Есть тут в Америке такая ассоциация славистов, изучающая нашу страну. У нее ежегодные конференции. Среди докладчиков выступают многие новые эмигранты: ну кто попустрей, побыстрей, — может пробиться. Вот есть такая Клепикова. И она на этой конференции на вопрос о деревенской литературе авторитетно заявила: «Деревенская литература? Да теперь это уже упадок, эпигонство». И американские профессора, съехавшиеся со всей Америки, доверчиво записывают в блокноты: «Деревенская литература находится в упадке», — это сейчас, когда она в расцвете. Вот так объясняют нашу страну некоторые новые эмигранты, так они используют свою свободу.

Может быть, и эти мои слова услышат те молодые авторы, кто в будущем подвигут нашу литературу. Я бы хотел им сказать, что не надо гнаться за поверхностной политической сатирой — это самый низший вид литературы. И дело совсем не в формальных поисках, никакого авангардизма не существует — это придумка пустых людей. Надо чувствовать родной язык, родную почву, родную историю — и они с избытком дадут материал. А материал подскажет и форму взаимодействия с автором.

Еще один грустный анекдот. Осенью 77-го, во время американской книжной выставки в Москве, американские издатели решили почтить званием обеда главных представителей русской литературы. А звали примерно по такому принципу: кто числится в диссидентах. И вот ирония — на этот обед собственно рус-

ская литература — стержневая — не была позвана. Вот из этих авторов, которых я сейчас мысленно перечислил, ни один не был позван, их и не знают. Был обед в честь русской литературы, а ведущих авторов не было. Я мог бы добавить еще и по крайней мере двух первоклассных драматургов, действующих сейчас в Советском Союзе, но опять не буду, чтобы им не повредить.

— Но эту стержневую, как Вы говорите, литературу, понимают ли ее на Западе, Александр Исаевич?

— Плохо. Официальное представительство советской литературы на Западе никак ее не представляет. Или туполобство — пошлют какого-нибудь литературного вертухая, который Твардовского даже в последний год его жизни поносил кулацким поэтом, а теперь перед ним якобы млеет. И американские профессора съезжаются, записывают этого вертухая — какой он им бред несет! Или слишком повышенная изворотливость между советским режимом и интеллектуальным Западом — умеют нравиться и тем, и другим. Впрочем, оба эти мира — атеистические, и не так чужды друг другу. Я имею в виду, например, Вознесенского: радостно дает себя выставить, создает впечатление литературной свободы в СССР. Сказал я Вознесенскому когда-то: «Нет у вас русской боли — вот нет, так и нет!» Не страдает его сердце ни прошлыми бедами России, ни нынешними. Напечатал в Америке стихотворение, посвященное мясорубке в Гаянской коммуне. Одно дело, что их ангелами, конечно, изображает, — но и оскорбительно. В этом изувеченном саморазложении, гниении якобы увидел самоожжение старообрядцев, а! Старообряд-

цы потибили, чтобы не изменить своей вере, чтоб их пытками не вгоняли в чужую! Этих марксистов никто не трогал, никто не вгонял, — весь их конфликт с Америкой выдуманный. Вот так он унизил и оболгал старообрядчество, — чтобы держаться в моде, потому что американские газетчики так сравнивают. — Деревянное сердце, Деревянное ухо!

— Александр Исаевич! В своей Гарвардской речи Вы сопоставили расслабление характеров на Западе с укреплением их на Востоке, где — и тут я цитирую: «Сложно и смертно давящая жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие, интересные, чем благополучно регламентированная жизнь Запада». Но разве эта «смертно давящая жизнь» не создала тоже духовную опустошенность, не привела к цинизму, материализму, не сломала тысячи и даже миллионы характеров? Как же можно тогда в то же время говорить о духовном возрождении в России? Не мечта ли — это возрождение? Не плод ли это, скорее, желания, чем реальность?

— Да, конечно, пережить коммунизм без повреждения — кто бы это мог?! Все мы это испытали. Повреждены духовно миллионы, однако сговорюсь — повреждены, но уже не в социалистическом разном отношении, — уж в эту сторону никакими голосами нас не кликнешь, до такой тошнотворности прогальдели нам головы и груди.

Что я сказал в Гарварде о характерах? А что назовем характером? По-моему: если в самой враждебной обстановке и почти ничем не пользуясь от внешнего мира выстоять и еще дать воле. А что назовем бесхарактерностью? — В самых благоприятных обстоятельствах все получать и все для себя.

В Берлине в 53-ем и в Венгрии в 56-ом были наши офицеры и солдаты, отказавшиеся стрелять в народ, хотя знали, что за это будут расстреляны тотчас. И действительно — расстреляны. И все. И тут уже они забыты, и уже в русский характер они нам не вписываются. В Западном Берлине постоил камень в их честь, но слабодушный Запад предал и тут: снял ради детанта.

Когда я в Гарварде говорил о преимуществе наших характеров над западными: мы под самим драконом научились — не гнемся, а они издали, только от его дальнего дыхания уже гнуты, как ему угодно. Повреждены мы — да, и многие даже близко к бесповоротности. — а не бесповоротно. И это показывается процессом оживания нашего общества. Я имею в виду сейчас не интеллектуальное и политическое оживание, не самиздат, не письма протеста, а изменение нравственной атмосферы вокруг гонимых — ведь 50 лет кто был обречен, осужден, — от того отрубивались все: не то чтобы помогать, но даже избегали сноситься. Ставка коммунизма была — чтобы каждый гиб в одиночку. А сейчас? Сейчас к каждой такой семье тянутся руки помощи, собирают деньги, смело приходят в дом, открыто помогают! Это же совсем другая нравственная атмосфера, как бы совсем не под советской властью! И даже в провинции уже так прорастает, где жутче гораздо, страшнее ветер воет! И молодежь — сильно затронута этим очищением, в этом, надежда. Такое изменение — я скажу — глубже и перспективнее, чем даже государственный переворот. Ведут себя люди так, будто этих вурдалаков, этого дракона над нами совсем нет, воздух другой!

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

РИСКОВАННАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ

ИДЕЕЙ АВТОР ОБЯЗАН Н. (ЖИВШЕЙ ЗА ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ)

Около-литературный труженик перз Панфила Павлович Скоробух ездил в родную деревню освежиться и набраться новых сил для выражения творческих заданий «нашей героической эпохи».

Колхозники, помнившие его еще солидным Панфилом, неодобрительно смотрели на зажившего, пухлого горожанина-белоручку. Раза два Панфила Павловичу даже послышалось пущенное ему вслед кем-то слово, обидное, не то «пшь, барин», не то «вот бугай прёт».

Родственники, которым от него изредка кое-что перепало, в глаза, по крайней мере, обращались почитательней. Дядя Пахом (бывший крестный) приглашал заходить, посидеть и просветить их городскими новостями. Панфила Пав-

лович все откладывал это посещение по причинам, непонятным для него самого и только перед самым отъездом решил заглянуть и заодно проститься.

С детства знакомая изба дяди Пахома изменилась мало: все так же стояла она, лихо избоченясь, на краю селения; разве только еще более накренилась на один бок, да почернела. Да и внутри все было по-прежнему: царила как древний богатырь русская печь, занимая добрую треть помещенья, стоял деревянный стол и скамейки, да сундук в углу где раньше висели иконы. Теперь тут красовался последний кандидат в вожди в рамке, засиженной мухами.

У дяди Пахома сидел сосед, дед Лука. Перед ними стояли грязно-серые

чашки с отбитыми ручками и зазубренными краями, чугунок с вареной картошкой, да соленые огурцы на пожелтелом, с трещинами блюде. Пили они, понятно, не чай. Был только один продукт ширпотреба, которым колхозная торговля снабжалась в достаточном количестве, не в пример «проклятым царским временам», когда народ спавали. Панфила Павловича встретили радушно: тетка Анфиса с готовностью сунула и ему чашку, е сразу же наполнили и все выпили. Крякнули. Панфила Павлович молчал, ожидая, что возобновится беседа, занимавшая колхозников до его прихода. Разговор, по-видимому, шел о недавней поездке деда Луки в Ленинград. Из-за отсутствия паспортов выбраться из деревни было нелегко, но деда Луку посылали официальным делегатом на съезд и он уехал, сопровождаемый наказами почти всей деревни купить в городе то то, то это. В который-то раз по возвращении дед заверял Пахома, что в Ленинграде в лавках вроде что-то и есть.

особенно «в окнах» и еды там не в пример богаче, чем у нас. А на колхозном рынке цены... за один сезон можно справиться новую крышу...

Такой мещанский уклон колхозных вожделений не совсем удовлетворил Панфила Павловича (что тут наберешься для разрешения творческих заданий? Этого и у нас в Москве хватает...) и он постарался перевести разговор на другие рельсы:

— Ну, а чего-нибудь такого, примечательного в городе-герое не заметили? — спросил он не без ехидства.

Дед Лука почесал пышный, седеющий загривок и задумчиво сказал:

— Что-то не припомню... Стар я стал... Вот разве... Видел я на этой площади, там, где собор громадный, Исакий значит, статуя: сидит мужчина на коне, сам рослый, из себя видный, и конь под ем статный. Теперь таких коней и нет; помню я, мальчонкой таких видывал, перевелись они, что-то. Сильный такой конь, на ем что хошь: скачи

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ РУССКУЮ ИСТОРИЮ?

1. Как доказать, что и до существования Новгорода были у славян города?

2. В каком году было покончено с татарским игом на Руси? Сколько столетий длилось это иго?

3. В течение двадцати с лишним лет множество русских писателей и художников XVI века создавали огромную книгу, содержащую 27 тысяч страниц. Как называется эта книга?

4. Почему один из островов в заливе Аляски назван именем Баранова?

5. Какой русский художник первой половины XIX века написал известную картину, изображающую трагическое событие из истории древнего Рима I века. Как называется картина?

(Ответы на 4-й стр.)

СПИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Жители западной части Америки увидели в прошлом месяце на ночном небе необычайную яркую полосу света, приняв сначала за комету, потом — метеор, советский спутник «Космос 315», сгоревший при падении в атмосфере. Многие наблюдатели пожалели, что за ним не последовала и сама советская власть.

Без излишнего шума советчики нагнетают военноморские силы в Индийский океан. Недавно туда посланы авианосец «Минск» (40.000 тонн), в сопровождении двух крейсеров, оснащенных атомными ракетами и десантник «Иван Рогов» (кто такой — не знает и сам капитан). Все они обогнули южную оконечность африканского материка, то есть «Мыс Доброй Надежды», давно уже по воле большевиков, заслуживший переименования в «Мыс Жестокой Тревоги».

На вторжение китайцев во Вьетнам подсоветское население отозвалось свалкой в продуктовых магазинах, а когда услышало по радио «Говорят все станции советского союза», то есть слова, с которых в 41-м году начались сообщения о немецком наступлении, то не слушая дальше, бросилось в сберегательные кассы и не сразу поверило, что речь шла о запуске очередного космического корабля. В Харькове, после этого, долго еще нельзя было достать в кооперативах соль; её расхватывали за два часа. Словом, как говорят немцы, «пуганая ворона дуэт и на молоко».

ФИЛИН

† 12-го июня 1979 года скоропостижно скончался

ГРАФ

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БАРАНОВ

и 13-го июня похоронен на Британском кладбище, о чем с глубоким прискорбием сообщает семья покойного.

† В воскресенье 8-го июля в 10-ую годовщину кончины

ИЕРЕЯ

отца ЯКОВА КОСТЮЧИКА

в Кафедральном Соборе Воскресения Христова (Нуньес 3541) после Божественной литургии будет отслужена

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ПАНИХИДА,

о чем извещают дочь и сын.

† В 5-ую годовщину смерти

гр. ЯКОВА ХОМЕНТОВСКОГО

в воскресенье 8-го июля в Кафедральном Соборе Воскресения Христова после Божественной литургии будет отслужена

ПАНИХИДА,

о чем сообщает жена.

ПАМЯТИ НАРОДНОГО МОНАРХИСТА

В Калифорнии 10-го мая с. г. скончался один из старейших и самых верных членов Российского Народно-Монархического Движения ГЕОРГИИ КОНДРАТЬЕВИЧ КИНГСТОН-КРАПИВНИЦКИЙ, с которым и женой его Мариной Сергеевной я переписывался с 1955 года и лично познакомился в Сан-Бриаке, куда они прилетели на совершеннолетие Великой Княжны Марии Владимировны и принесли ей присяги на верность Главе Династии и России. Вспоминается эпизод: в саду его больно ужалила пчела. Увидав это, Великая Княгиня побежала в дом и принесла какое то лекарство, сразу отнявшее боль. Он мне сказал, как его тронуло это внимание Великой Княгини.

Из Сан Бриака мы проехали в Рим, где провели несколько дней в беседах о нашем прошлом и будущем служении народной монархии. Помогимся же о новопреставленном рабе Божием Георгии.

Будучи много старше покойного, могу сказать дорогому усопшему: «До скорого свидания!»

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

Русофоб Симас Кудирка

Буэнос Айрес посетил бывший литовский зек Симас Кудирка. Несколько лет назад, будучи радиотелеграфистом советского рыболовного судна, он перепрыгнул с него на борт близ стоявшего американского корабля с надеждой обрести свободу. Но капиталисты его тотчас же выдали коммунистам, а те приговорили к 10 годам концлагерного заключения. Из них Кудирка отбыл только треть, так как был выпущен из СССР по настоянию целого ряда американских конгрессменов и сенаторов.

Казалось бы разделив горькую чашу каторжного труда с сотнями тысяч других русских политзаключенных, Кудирка мог хорошо знать, кто является душителем народов России.

Увы, он делает вид, что не знает.

В 13-ом канале буэносайресского телевидения его должен был интервьюировать журналист русского происхождения. Но Кудирка наотрез отказался говорить по-русски — не только во время интервью, но и потом — даже в частной беседе.

Кудирка заявил, что он уважает французских, испанских или итальянских коммунистов и выступает только против русских, «которые на самом деле суть не коммунисты, а прямое продолжение русских царей — убийц, таких как Петр I, Елизавета Петровна и Екатерина и т. д.»

На замечание журналиста, что именно императрица Елизавета Петровна отменила смертную казнь в России, он ничего не ответил, а продолжал — на ломаном английском языке — повторять, что притеснители литовцев — русские, и что сегодняшняя Россия ни в чем не отличается от царской.

В виде доказательства якобы проводимой в СССР «руссификации» Кудирка показал документ, удостоверяющий его принадлежность к советскому торговому флоту. «Видите, видите, документ написан по-русски», возмущался литовский шовинист.

Маленького роста человек, с воспаленными глазами, Симас Кудирка производил впечатление одержимого.

— ветер не догонит, а то работай, так тоже маху не даст. Одно слово — царский конь...

Панфил Павлович улыбнулся и, прекрасно зная ответ, спросил:

— Это чей памятник-то будет?

— Такая, вишь, штука, памятник-то царю, этому, как его... Николаю...

— А-а... — неопределенно протянул дядя Пахом и спросил:

— И что ж с того? —

— А ты, парень, не спеши, — осадил его недовольно покосившийся в его сторону дед Лука, — как это на самой первой площадке, памятник этому, как он, кровавому, что ли? — обратился он к городскому гостю.

— Это поп Гапон кровавый был, — встал дядя Пахом и, подумав, продолжал, — в отношении царей оно, конечно, — завел он издали, — всякое бывало. Петр, к примеру, это свой парень в доску, мужичий то-есть царь и, мож-

но сказать, вполне партийный. Сознательный был царь, хушь сейчас ему билет выдавай. А больше сознательных-то вроде и не было... — Пахом вытер пот со лба, довольный, что при случае и он в грязь лицом не ударит.

— А ты, парень, не спеши, — снова сказал наставительно дед Лука. — А про Ивана забыл? Иван тоже был не лыком шит, контрреволюцию уничтожал, горой стоял за бедняцкую прослойку, а боярам и попам прямо головы рубил. В общем в партию, не в партию, а в кандидаты и его принять можно бы...

— Ну, с Петром все едино его не равняй, — вступился Пахом за своего кандидата, — У того и образина пофасонистей, да и он тоже головы кому надо рубил. А Иван твой был как это, намеднясь лекарь по-ученому объяснял — «шизый фендрик», что ль? Да притом он к культу личности склонность имел...

Панфил Павлович увидел, что разговор зашел совсем не туда и заметил:

— Памятник Николаю Первому, Палкину, то-есть. А кровавый это последний Николай был, Второй.

— Верно, вот и я говорю, — с готовностью согласился дед и покрутил головой. — Одначе, что-то тут есть. Вот ты, к примеру, человек городской, образованный, объясни нам, деревенской темноте, то есть, какая на текущий момент установка на царей взята. Может, какие есть перемены?

— Не-ет, перемен вроде бы не было — сухо ответил Панфил Павлович, а про себя подумал: «Действительно, темнота. Вот занесла меня нелёгкая. То ли дело где-нибудь в Крыму, на курорте: и общество, и виды, и разговоры. Всегда какую-нибудь новую идейку подцепишь, худо-бедно на статейку набейт. И почему только секретарь парткома не дал мне путевки в Крым или на Кавказ, а сказал: будет тебе по курортам сигать, поезжай в колхоз и там наберись от сохи новых творческих замыслов. — А ка-

кие тут замыслы: водка из грязных чашек, да огуречные огрызки... Эка невидаль!»

Домой он ушел осоловелый.

На следующий день в поезде голова трещала и Панфил Павлович дал себе зор в деревню больше ни ногой. В Крыму и водку никто так не хлещет, пьют себе культурненько винцо, или там коньячек... Но когда поезд стал подбираться по московским пригородам к вокзалу, где-то на задворках мозга мелькнула мыслишка, не мыслишка, так, догадка одна: а вдруг да этот хитрый старик прав и предстоит реабилитация Николая Первого? И хотя Панфил Павлович прекрасно знал, что памятник на Исаакиевской площади стоит давно и никакого вывода из этого сделать нельзя, догадка пустила корни, начала расти и набирать силу. «А вдруг и правда, Ведь когда Петра восстанавливали тоже никто не ожидал. А Толстой на этом карьере сделал, вот, может статься, и я бы на Нико-

Е. КАРМАЗИН

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Время от времени в печати появляются статьи и очерки В. Некрасова и Н. Гладиллина о том, как прекрасно живется новым эмигрантам на Западе. И ни о каких проблемах или трудностях они нам не рассказывают, кроме как о том, что иногда вроде ностальгия одолевает. Некрасов рекомендует в этом случае читать «Правду», а Гладиллин советует слушать московское радио. («Русская Мысль» от 10. 5. 79).

Но вот недавно в журнале «Время и мы» прорвалась в печать страничка А. Тучкова, в которой описывается неразукрашенная жизнь третьей эмиграции, и мне хочется поделиться этим с читателем. Изображая приключения современного принца Гамлета, Тучков пишет: «Другие принцы и лорды день и ночь ОБИ? ссаждают, письма из-за границы присылают — вот, мол, где действительно — быть. Нет, думает принц датский, невозможно более человеку с возвышенным образом мыслей жить в такой стране, надоело все: заговоры, интриги, дай-ка, думает, махну за границу, вдохну ветер свободы. Сказано — сделано. Идет он в ОБИР, не могу, говорит, жить больше в королевстве датском, уж больно тирания заела, ни тебе свободы, ни творчества. Ну потаскают его, потрясут малость, чтобы, как говорится, отъезд раем не показался, и отпустят.

И вот приезжает принц Гамлет в страну заморскую, где, то есть, и находится ответ на его вопрос. Естественно, рассказывают все наперебой о королевстве датском, кто страшней придумает. А заморский бусурманин слушает их терпеливо, видит, что люди волнуется, выговориться дает, спросит даже иногда с участием: «А как штаны-то у вас уже носят там, а мясо как жарят, по-цивилизованному, на вертеле, дико сырым заглатывают?»

А после, как все утомится от рассказов, бусурманин и спрашивает: «О-кей, ребята, кто что делать умеет?» Ну ему и говорят, так и так, дескать: я, мол, стихи могу на александрийский манер, а я, мол, на лютне извлекаю разные гармоничные звуки, а я вот опыт имею по борьбе с тиранией... Качает головой бусурманин и говорит: «Про это вы, ребята, забудьте, у нас мир свободной инициативы: кто ловчее, тот и принц»...

И разбегаются принцы в разные стороны. Иной на бусурманской принцессе подженится, которую бусурманский папаша не мог замуж выдать по причине не первой молодости, другой лавчонку открывает, если ему удалось через таможенную золотую шпату провезти, вместо положенной железной, третий конюшник чистит у местных принцев. Туго, эх, туго пришлось бы Гамлету. Изнемог бы в решительной схватке, не нашел бы ответа на свой вопрос («Время и мы» № 37, 1979, стр. 27).

Так пишет Александр Тучков, по справке журнала — художник, окончил институт в Ленинграде, несколько лет назад эмигрировал в США, за неимением заказов служит ночным сторожем в Нью-Йорке.

Тучков недаром упомянул о письмах. Свободное американское радио так и рисует эмигрантскую жизнь в райских красках, а свободное «Новое Русское Слово» кроме сионизма вообще ничем не интересуется, хоть бы как те же евреи по правде живут в эмиграции... Остаются письма. В бытность мою в Израиле я занялся, так сказать, самодельной социологией: почему же, действительно, принцы из заграницы так всё привирают. И обнаружил, по крайней мере, пять причин лживых писем, о чем и расскажу, с разрешения читателя.

Во-первых, страх. Глухой страх. Израильский Сохнут, в отличие от КГБ, писем не задерживает. Но слухи ходят — как всю, мол, переписку обрывают. Иные и пугаются, и пишут сказки. Во-вторых, стыд. Как это я, умный человек, и так попался. Да что ж скажут знакомые и сослуживцы... Нет, лучше уж буду писать красиво. В-третьих, лицемерие. Как же можно огорчить своих родных. А что на ложные письма клюнет еще сотня будущих страдальцев, так то мне не родные, мне до них дела нет. В-четвертых, глупость. Если нас здесь будет больше, то мы сможем изменить здешние порядки, так власти говорят. Вот и буду всем писать, пусть приезжают, авось и мне полегчает. В-пятых, подлость. Одна старушка мне прямо сказала: мне плохо, пусть и им будет плохо; так и зову всех сюда, разукрашиваю.

Мне трудно определить, к какой категории относятся описания Некрасова и Гладиллина. А может они вправду не видят ничего вокруг себя. Но скорее — не хотят, по принципу: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю, никому ничего не скажу».

Е. КАРМАЗИН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ХРОНИКА

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

Нам пишут из Нью-Йорка:

А. И. Солженицын обратился к американским сенаторам Г. М. Джаксону и Д. П. Мойнихану с просьбой добиться освобождения погибающего в советском лагере Игоря Огурцова, единственная «вина» которого состоит в том, что он искал христианские пути развития России.

МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ

Нам пишут из Нью-Йорка:

Первонерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Филарет выехал из Нью-Йорка морским путем в сопровождении протоиерея Чакирова из Нью-Йорка во Францию, где он проведет лето в Лесненском монастыре. Его заместителем в Синоде остался епископ Григорий (Габбе), возведенный недавно в этот сан.

ДВЕ СМЕРТИ

Нам пишут из Мюнхена:

Московские газеты одновременно сообщили о скоростной смерти главного конструктора министерства авиационной промышленности Владимира Орлова и о трагической гибели начальника отдела министерства обороны, военного пилота полковника Евгения Брякова.

Обстоятельства и место их гибели газеты не сообщили и не написали прямо, что она была вызвана катастрофой.

РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ

Нам пишут из Парижа:

Проживающий в Соединенных Штатах начальник Русского Обще-Воинского Союза, генерал-майор В. Г. Харжевский, ввиду возраста и недомогания, отказался от этого звания и назначил своим преемником проживающего в Париже капитана М. П. Осипова.

ФИНЛЯНДИЯ

Нам пишут из Гельсингфорса:

Финляндское правительство, под давлением СССР, согласилось установить на границе между этими двумя государствами строжайший таможенный осмотр багажа выезжающих из Финляндии в Советский Союз лиц. Целью этого осмотра будет конфискация книг и других изданий религиозного содержания, которые Финляндия обязалась не пропускать в порабощенную коммунистами Россию.

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Статьи, подписанные фамилией или инициалами, не обязательно всегда полностью выражают мнение редакции. Редакция не отвечает за содержание публикуемых объявлений, сообщений и иных документов, исходящих от учреждений или частных лиц. Редакция не возвращает присланные ей материалы и не вступает в переписку по поводу неприятых для печати рукописей.

Телефон Редакции: 52-7426.

Цена номера газеты, посылаемой воздушной почтой: Австралия — 0,60 австралийских долларов; Бразилия — 8 крузейрос; Германия — 1,20 немецких марок; Италия — 600 лир; Парагвай — 50 гварани; США — 0,60 долларов; Франция — 2,60 франков; Чили — 11 чилийских песо. Все остальные страны — 0,60 долларов. Цена номера газеты, посылаемой простой почтой: Аргентина — 700 песо; Германия — 1,10 немецких марок; Франция — 2,40 франков; Уругвай — 2 новых песо; США — и остальные страны — 0,55 долларов. Почтовые переводы, чеки и Money Order просьба посылать по адресу Редакции:

Tatiana Kirew de Dubrowsky
Monroe 4219, Dto. 10
Argentina
1430 Buenos Aires

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНЫ

1. Само название «Новый город» заставляет предполагать наличие какого то старого города.
2. В 1480 году. Около 2,5 столетий (1240-1480 гг.).
3. «Четы-Миней».
4. А. А. Баранов был в конце XVIII — начале XIX века первым главным правителем русских поселений в Америке.
5. К. П. Брюллов. «Последний день Помпеи».

АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ГОРЕЛОВ

Покупка и продажа домов,

квартир,

земельных участков.

Юридическая консультация по субботам от 10 до 12 часов
в Бажестере.Corrientes 132
Villa Ballester
Tel. 768-1892Obispo San Alberto 2790
Capital
Tel. 571-5981

лае...? Опасно, слов нет, рискованно, да зато и почетно в случае чего... Критик с детства привык к зигзагообразным кренделям «генеральной». Тихо чертыхаясь, он колесил по московскому метро, направляясь домой.

Дома ждали его дела: надо было закончить статью очередного литературного обзора для журнала, в котором он был постоянным сотрудником. Панфил Павлович еще раз, в последний, пробежал ее, для, как он выражался «цензурной очистки совести». Надо было еще ответить на несколько неотложных писем, да и другие дела требовали внимания.

Но вот выдалась через несколько дней свободная минутка и Панфил Павлович еще начерно, еще не всерьез, только примеряясь и нацеливаясь взялся за перо. Он ждал вдохновения и оно не подвело его. Вот что писал Панфил Павлович в виде введения:

(Продолжение следует)

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА
ИМЕНИИВАНА ЛУКЪЯНОВИЧА СОЛОНЕВИЧА
В «Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича» поступили следующие суммы:

от В. Г. И. — 50.000 песо, от К. С. Е. — 80.000 песо, от В. Ю. Л. — 10.000 песо.

Розыски

Разыскивается ОЛЕШКО Станислав, рожд. 5. 5. 1922 года в г. Дубно. С 1948 года находится в Аргентине.

Сведения о нем просим направлять на адрес Толстовского фонда:

FUNDACION TOLSTOY
Av. Roque Sáenz Peña 974, 9 - A
1035 - Capital

PARA VIAJES

INTERNACIONALES Y DE CABOTAJE
EXCURSIONES INDIVIDUALES Y EN GRUPO

consulte a la Agencia I. A. T. A.

PLANITUR S. R. L.

d. n. s. t. 733-77

Viamonte 759, 4º - 43 — Tels. 392-0080, 393-6182 — Capital

Horario de 9 a 13.30 y de 14.30 a 19 horas

Atenderá el Sr. ALEJANDRO SERIKOW

(teléfono particular 784-3620)

Г О В О Р Я Т П О - Р У С С К И

Союз Св. Александра Невского в Аргентине устраивает в Корпусном Доме (Сан Мартин 344, Вижа Бажестер) в воскресенье 15-го июля с. г. в 14 часов

П Е Л Ь М Е Н И

Запись на столики по телефонам 768-0045 и 766-8404 или у членов Союза.

Просьба заранее указать число желающих прийти.

Союз Св. Александра Невского в Аргентине в помещении Корпусного Дома (Сан Мартин 344, Вижа Бажестер) снова устраивает в каждое первое воскресенье месяца

БРИДЖ — ПРЕФЕРАНС — КАНАСТА — ШАХМАТЫ

ДЕШЕВЫЙ БУФЕТ

МИЛОСТИ ПРОСИМ!